
Е. А. Калинина

УЧИЛИЩА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ В СИСТЕМЕ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2010 г.

Аннотация

Образовательные реформы первой половины XIX в. предполагали формирование новой системы народного просвещения в России. Важной составляющей реформ явилось создание сельских школ различного ведомственного подчинения. В статье на основе архивных источников, материалов периодической печати, воспоминаний штатных смотрителей училищ, бывших учащихся рассматривается становление и развитие училищ Министерства государственных имуществ в селениях государственных крестьян. Школы этого ведомства были самыми многочисленными и добились наиболее четкой организации учебного процесса и хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: история образования, Министерство государственных имуществ, начальные училища.

Министерство государственных имуществ с 1840 г. занималось устройством волостных училищ в селениях государственных крестьян. Местным органам губернского казенного ведомства — палатам государственных имуществ и уездным конторам — было поручено открытие приходских училищ в сельских обществах для подготовки крестьянских детей к работе волостными и сельскими писарями, помощниками фельдшеров, землемеров и других специалистов. В этих начальных учебных заведениях предусматривалось обучение основам грамоты (письму, чтению, арифметике и Закону Божьему). Большое внимание обращалось на обучение скорописи и усвоение учащимися мер веса, достоинства монет и т. п. Получение профессиональных знаний проходило под руководством соответствующих специалистов в губернских или уездных учреждениях. Тем самым министерство рассчитывало распространить среди государственных крестьян усовершенствованные методы обработки земель, способствовать организации для них школ, больниц.

Создание и функционирование учебных заведений Министерства государственных имуществ активно изучалось в советской

историографии [Дружинин, 1946; Константинов, Струминский, 1953]. В более поздний период исследователи рассматривали особенности их организации и деятельности по обучению сельских детей не только в целом по России, но и по отдельным регионам [Калинина, 1992; Сеницына, 1996; Смирнов, 1968]. В новых условиях, на этапе современных школьных реформ результаты деятельности учебных заведений Министерства государственных имуществ рассматривались фрагментарно, в контексте общих итогов образования в тот период. Задачей нашего исследования является изучение достижений и проблем, возникших в организации и деятельности этих училищ на селе.

Организа- ция сель- ских училищ

Первый министр государственных имуществ П. Д. Кисилев старался широко пропагандировать идею учреждения сельских приходских училищ, возбуждая к ней сочувствие помещиков и государственных крестьян [Дружинин, 1946. С. 249]. В 1838 г. в губернские палаты государственных имуществ было разослано циркулярное предписание, в котором предлагалось представить конкретные сведения о существующих приходских училищах¹. В мае 1840 г. последовало новое указание министерства — о создании училищ в волостных центрах и обучении грамоте в своих селениях. По плану министра предполагалось открыть приходские училища в каждой волости, чтобы все сельские общества имели начальную школу. В распоряжении особо указывалось, что вся ответственность за успех обучения возлагалась на учителей². Выпускники училищ казенного ведомства по достижении ими 16-летнего возраста могли поступить в волостные и сельские писари.

22 июня 1842 г. вышло высочайшее повеление об устройстве училищ для государственных крестьян на основе школьного Устава 1828 г. «под непосредственным наблюдением местного управления государственным имуществом и на счет общественного сбора» [Рождественский, 1902. С. 284]. Согласно высочайшему повелению, цель училищ заключалась в «распространении и утверждении между государственными крестьянами религиозно-нравственного образования и первоначальных, более или менее для каждого сословия нужных сведений» [Там же]. Все существовавшие ранее учебные заведения в государственной деревне получали статус приходских училищ и переходили в ведение Министерства государственных имуществ. Предполагалось постепенно — в течение десяти лет — открыть 2000 училищ в казенных селениях Российской империи.

Содержание курса обучения в этих училищах, их управление, система надзора за ними, выбор наставников и способы содержания были подробно определены в «Наставлении для управления сельскими приходскими училищами в селениях государственных

¹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 383. Оп. 1. Д. 3. Ч. 1. Л. 4–5об.

² Там же. Оп. 6. Д. 5105. Л. 1.

крестьян», изданном в июле 1843 г. Учебные заведения утверждались в больших селениях, населенных исключительно государственными крестьянами. В них принимались дети с 8 лет по желанию родителей. Обучение продолжалось три года. После окончания училища треть наиболее способных учеников направлялась на службу в палаты государственных имуществ в округа в качестве помощников.

Содержались такие училища за счет самих крестьян: государственные крестьяне обложены были для этой цели особым общественным сбором. Ежегодно министерство тратило на содержание училищ не менее 258 тыс. (в 1845 г.) и не более 417 тыс. руб. (в 1847 г.). Эти расходы покрывались суммами общественного сбора, предназначенными на подготовку сельских волостных писарей, а при недостатке таких сумм — отчислениями от хозяйственного капитала [Дружинин, 1946. С. 249]. Предполагалось, что годовое содержание каждого приходского училища составит 250 рублей. Эта сумма шла на выплату жалования учителю в размере 85 руб., помощнику учителя — 75 руб., на наем, отопление и освещение школьного здания — 45 руб., на покупку учебных пособий — 27 руб. 50 копеек, на оплату труда сторожа — 17 руб. 50 копеек в год. Если наставник обучал 40 учеников, то он получал прибавку 15 руб., свыше этого числа — еще 15 руб. [Там же].

Органам Министерства народного просвещения предоставлялось право наблюдения за учебной частью. Губернские директора народных училищ и штатные смотрители обязаны были осматривать эти училища и о результатах доносить в местную палату государственных имуществ и в окружные правления, а те в свою очередь сообщали директору училищ сведения об открытии и закрытии каждого образовательного учреждения. Хозяйственная же часть находилась в ведении волостных голов и окружных начальников. Им вменялось в обязанность «внушать крестьянам пользу и важность учреждения сельских училищ и всемерно стараться склонять их к отдаче детей в оные»³. При такой организации учебного дела на местах училища Министерства государственных имуществ вполне могли удовлетворить потребности общества в образовании детей.

Преподавание вверялось сельским священникам, так как в организации сельских училищ принимало участие и Духовное ведомство. Епархиальное начальство должно было заботиться об «избрании достойных наставников из местных священников, дьяконов и причетников, или из окончивших курс воспитанников семинарии» [Воронов, 1949. С. 230]. Священники охотно соглашались работать в казенных школах, где их труд вознаграждался. Для большей части церковнослужителей, особенно для выпускников духовных семинарий, которые не получили прихода, это было «лучшее место в жизни» [Касаткин, 1860. С. 326]. Деятельность наставника

³ Там же. Д. 5094, л. 32.

сельского училища было гораздо выгоднее и почетнее причетнической службы: учитель получал годовое жалование и готовую квартиру с отоплением и освещением.

Архивные материалы свидетельствуют о согласованности действий Министерства государственных имуществ и Духовного ведомства в данном вопросе. В частности, в Архангелогородской губернии, где училища начали создавать в 1843 г., губернская казенная палата всем окружным начальникам предписала «доставить свои соображения», в каких селениях удобнее открыть школы. А епархиальное начальство в это время занималось поиском сельских священников и диаконов для преподавания учебных предметов⁴.

В Олонецкой губернии еще в 1837–1838 гг. Духовным ведомством по «Правилам для первоначального обучения поселенских, в том числе и раскольничьих, детей» были открыты церковные приходские училища. Однако, не имея государственного финансирования, одни из них вскоре прекратили свое существование, а другие с 1841 г. переходили в ведение Министерства государственных имуществ. В этой губернии наряду с увеличением числа казенных школ происходило резкое сокращение количества приходских училищ церковного ведомства. Если в 1840 г. при церковных приходах Олонецкой епархии существовало 207 школ, то уже в 1844 г. их насчитывалось только шесть. И обе стороны оказывались в выигрыше: Духовное ведомство приветствовало казенное содержание сельских школ и материальное обеспечение священников-учителей, тем более что контроль за деятельностью училищ оставался в ведении епархиального начальства; министерство же, приглашая священников в школы в качестве учителей, решило кадровый вопрос. Таким образом, организация школ в волостных центрах, выделение средств на содержание училищ, приобретение письменных принадлежностей и учебных пособий и оплату труда наставников явились важными факторами успешного развития школ Министерства государственных имуществ на селе.

Успехи сельских школ

В первой половине XIX в. значительно выросла численность учебных заведений в селах и деревнях российской провинции. Например, если в 1841 г. на территории Олонецкой губернии было шесть училищ, в которых обучались 76 мальчиков, то к 1853 г. насчитывалось уже 22 училища, где обучались 733 ученика (675 мальчиков и 58 девочек). На территории Вологодской губернии в 1842 г. открылись четыре школы, а в 1853 г. их стало уже 62, и в них обучались 1999 учеников (1977 мальчиков и 22 девочки). В Новгородской губернии в 1846 г. работало 20 училищ, где обучались 945 учащихся, а в 1853 г. в 26 школах учились 1339 человек (1158 мальчиков и 181 девочка).

⁴ РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5094. Л. 1; Д. 5124. Л. 1.

Контроль численности училищ осуществлялся как со стороны Министерства государственных имуществ, так и по линии Министерства народного просвещения. Казенное ведомство представляло отчеты о реализации школьной реформы по губерниям, а училищное — по учебным округам. Статистические данные по Санкт-Петербургскому учебному округу за 1853 г. свидетельствуют о том, что по численности школы Министерства государственных имуществ значительно превосходили учебные заведения других ведомств. Так, на 1 января 1853 г. в восьми губерниях округа насчитывалось 226 училищ Министерства государственных имуществ, 25 училищ Министерства уделов, девять училищ Горного ведомства и четыре училища, содержавшиеся помещиками [Воронов, 1849. С. 238]. В Вологодской губернии создание казенных училищ шло гораздо быстрее, чем в других губерниях, входящих в Санкт-Петербургский учебный округ: в 1842 г. здесь открылись четыре школы, а в 1853 г. их численность достигла 62.

Министерство государственных имуществ направляло губернским палатам распоряжения, в которых строго требовало выполнения программы по созданию учебных заведений на селе. Однако осуществлению министерских планов мешали трудности организации учебных заведений в глухих уголках российской провинции. Например, в Архангельской губернии из предполагаемых к открытию 38 школ в 1843 г. начали работу только 16. Поэтому в 1844 г. Архангельская казенная палата получила предписание в ближайшее время открыть еще 22 училища. Однако губернская палата согласилась организовать деятельность только 12 школ: «В Архангельской губернии по разобщенности населения и притом мелких деревнях весьма затруднительно отдавать крестьянам своих детей в училища». Судя по «Ведомости о числе волостей с показанием, где находятся приходские училища и где таковые предполагается учредить вновь», за 1844 г. в Архангельской губернии было открыто 21 училище, а в 1845 г. планировалось открыть еще 13 школ⁵.

Немалую помощь делу открытия сельских училищ оказывали благотворители. Жители сельских поселений нередко предлагали собственные дома под училище. Например, в Вологодской губернии в декабре 1844 г. волостной голова Афанасий Савельев пожертвовал для училища «деревянный дом, стоящий 150 руб.»⁶. Некоторые из крестьян делали небольшие денежные взносы — от 1 до 20 руб. В Олонецкой губернии купец из Рыбинска Тюменев пожертвовал процент с капитала в пользу Масельско-Паданского приходского училища⁷. Только в течение 1843 г. российские крестьяне пожертвовали на содержание школ 9833 руб. 28 коп. и передали 33 дома на благоустройство училищ [Раев, 1960. С. 46–47]. Как правило, значительная материальная помощь

⁵ Там же. Д. 1294. Л. 46–48.

⁶ Там же. Д. 5094. Л. 48.

⁷ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 33. Оп. 2. Д. 3/38.

бывала отмечена министерством. Так, крестьянин Афанасий Чертов из Архангельской губернии пожертвовал на содержание Елецкого приходского училища 100 руб., за что ему от имени министра П. Д. Кисилева вручен похвальный лист «В ознаменование признательности начальства за таковой подвиг»⁸. Однако были случаи, когда взносы не приносили ощутимой пользы. Так, крестьяне Семен Бураковский и Алексей Холминский пожертвовали избы для Важинского училища в Олонецкой губернии, но те, как оказалось, «пришли в гнилость от течи в крышах»⁹. Дома пришлось продать, а вырученные деньги — 17 руб. — пополнили училищный капитал.

Министерство уделяло большое внимание методике преподавания. Был организован особый Ученый комитет, в котором, в частности, долгое время работал общественный деятель и педагог В. Ф. Одоевский. Он осуществлял педагогическое руководство учебной деятельностью сельских училищ, разрабатывал методические руководства, учебники, народные книги для чтения [Одоевский, 1862; Одоевский, 1855; Одоевский, 1843–1852; Одоевский, Заблоцкий-Десятовский, 1849]. По ним дети обучались грамоте, получали начальные сведения из естествознания, географии, истории.

В школах казенного ведомства среди учащихся появились девочки, и их численность ежегодно увеличивалась. Так, если в 1847 г. в губерниях Санкт-Петербургского округа из 5600 учащихся было только 30 девочек (23 в Вологодской и семь в Олонецкой губернии), то в 1853 г. среди 7207 учащихся сельских училищ этого же округа их насчитывалось уже 407: в Архангельской губернии — 47, в Вологодской — 22 и в Олонецкой — 58 девочек [Воронов, 1849. С. 233].

Успехам учебных заведений Министерства государственных имуществ отводилось значительное место в губернской периодической печати. Как правило, это были путевые заметки штатных смотрителей училищ или жителей губернии, а также воспоминания бывших учеников. Среди успехов отмечалось увеличение количества школ и численности учащихся, а также то, что принятые меры к обучению крестьянских детей «соответствуют духу времени и обнаружившейся в самих крестьянах потребности образования»¹⁰. Среди препятствий к дальнейшему успешному развитию школьного дела упоминались недостаток общественных средств, отсутствие хороших методик преподавания и предубеждение крестьян против всяких нововведений. Указывалось также и на проявление активности крестьянского населения по открытию школ в российских¹¹ деревнях, которое выразилось в добровольных пожертвованиях на развитие дела просвещения.

⁸ РГИА, Ф. 383. Оп. 6. Д. 5124. Л. 36.

⁹ Там же. Д. 5105. Л. 102.

¹⁰ Успехи мер к распространению образования между государственными крестьянами // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 13.

¹¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5105. Л. 73об.

Отношение сельского населения к просвещению также стало предметом обсуждения на страницах периодической печати. Местные корреспонденты в своих статистических и этнографических описаниях сел и деревень обычно обращали внимание на грамотность жителей села и желание крестьян обучать своих детей грамоте. «Народ Кокшеньги весьма смышлен и имеет особую наклонность к грамотности, — писал один из них. — В прежние времена, до открытия в 1841 г. при приходах сельских училищ, каждый более зажиточный крестьянин старался хотя одного сына выучить грамоте, да еще теперь, независимо от училищ, многие родители обучают детей грамоте у себя дома, и многие крестьяне, не обучавшиеся в училище, пишут довольно хорошим почерком < > У каждого занимающегося, даже неграмотного, крестьянина можно найти в доме одну или несколько книг, большей частью духовного содержания, в домах же более достаточных, и притом в тех, где есть грамотный, — псалтирь, часовник и святцы считаются необходимой потребностью» [Попов, 1857].

Кадровый вопрос оказался одним из самых сложных при организации новых учебных заведений. Архивные документы показывают, что многие церковнослужители, ставшие учителями волостных училищ, не владели методикой преподавания, а некоторые из них сами были малообразованны и едва умели читать и писать. К тому же деревни находились на большом расстоянии друг от друга и от церкви, и епархиальное начальство жаловалось в казенное ведомство, что «весьма трудно священникам совмещать в одном лице церковные и приходские обязанности с училищными». «Не желают они отдавать детей к священнику Даниилу Малошальскому»¹², — сообщалось в одном из рапортов Олонецкой казенной палаты в Духовное ведомство. В Олонецкой губернии данная проблема осложнялась еще и тем, то дети не знали русского языка, в связи с этим общение с учителем затруднялось. Так, во время посещения директором Олонецких народных училищ М. И. Троицким Олонецкого уезда в 1843 г. учитель И. Каргопольцев сообщил, что поступившие в школу ученики «все без исключения карелы и до поступления в школу нисколько не говорили по-русски»¹³. Для обучения детей здесь требовались священники, которые не только обладали бы достаточными познаниями и способностями к преподаванию, но и владели бы карельским языком.

Министерство требовало от Святейшего Синода скорейшей замены священников, не подготовленных к педагогической деятельности. Но осуществить подбор необходимых педагогических кадров для дальних приходов было сложно, поскольку в штате каждой приходской церкви состоял только один священник. Приходилось прибегать к услугам лиц, не получивших по тем или иным причинам

Кадры преподавателей в сельских школах

¹² Там же.

¹³ НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 84.

священнического сана, но они в большинстве случаев не отвечали даже элементарным требованиям [Дружинин, 1946. С. 252].

Затрудняла организацию обучения и частая смена наставников. При переводе священника в другой приход и назначении нового дети на несколько месяцев оставались без обучения. Министерство в таких случаях требовало от епархиального начальства объяснений и просило его учителей «без укоризненного повода не перемещать в другой приход без крайней необходимости»¹⁴.

По указанию консистории на учительские места в сельские школы направляли учащихся духовных семинарий. Но семинаристы в дальние приходы ехать отказывались, тогда им делали «внушения» и обещали определить на должность священника при первой же освободившейся вакансии. Так, архиепископ Олонецкий и Петрозаводский высокопреосвященный Венедикт писал П. Д. Кисилеву, что избраны лучшие студенты духовной семинарии, но не по собственному желанию: «Им с прочими от меня сделано нарочитое внушение, чтобы то время, чрез которое продолжится невозможность поступить на священнослужительские места, употребили они на наставническое в сельских училищах занятие с должною начальственным назначениям покорностью»¹⁵.

Финансовое обеспечение и хозяйственная деятельность

Губернские палаты постоянно жаловались на недостаток училищного капитала для открытия новых школ. «Не имеем в распоряжении свободных сумм»¹⁶, — обращалась Архангельская палата с просьбой о доставлении из государственного казначейства на открытие 12 училищ дополнительно 2100 руб. в декабре 1845 г. Добавочные суммы министерство выделило только на четыре училища и предложило «не устраивать в Архангельской губернии новых училищ и упразднить открытые, в коих менее десяти учащихся»¹⁷.

Разительное несоответствие между количеством открываемых школ и ограниченными размерами денежных ассигнований обнаружилось и в Вологодской губернии. Так, в селениях Коровичи, Борисово и Федорово Вологодского уезда прекратили деятельность те школы, где обучалось по одному мальчику¹⁸. В западных губерниях России власти пошли по другому пути и малочисленные «излишние» школы переоборудовали в передвижные, переводя их из одной местности в другую [Дружинин, 1946. С. 249].

Материальное положение сельских школ оставляло желать лучшего. Школьные помещения, располагавшиеся, как правило, в наемных крестьянских избах, были тесными и непригодными для учебного процесса, остро ощущалась нехватка учебных пособий. П. Д. Кисилев, объезжая в 1846 г. государственные имения Тверской губернии, нашел в училищах «неустройство в помещении и чистоте» [Там же. С. 250].

¹⁴ РГИА. Ф. 383. Оп.6. Д. 7735. Л. 16.

¹⁵ Там же. Д. 5105. Л. 75.

¹⁶ Там же. Д. 5124. Л. 59.

¹⁷ Там же. Л. 110.

¹⁸ Там же. Д. 5094. Л. 20.

Значительные трудности для сельских школ создавала многоуровневая система контроля, когда одно и то же училище надзирали два, а то и три ведомства одновременно. В первой половине XIX в. открывать и содержать начальные школы в сельской местности разрешалось различным ведомствам. Министерство народного просвещения, Министерство внутренних дел, Министерство финансов, Министерство государственных имуществ и удельного ведомства, Священный Синод, Горное ведомство финансировали школы и контролировали их. Среди надзирающих органов не было единства в подходах к проверкам и контролю. Проверяющие испытывали большие трудности при обозрении училищ различного подчинения. Оценить методическое обеспечение преподавания могли только специалисты с педагогическим образованием, а именно представители училищного ведомства. Как правило, это были штатные уездные смотрители или директора народных училищ. Многие из них были выпускниками российских университетов и имели стаж педагогической деятельности. Они владели методикой преподавания, могли выявить конкретные недостатки в обучении детей, дать тот или иной совет по повышению успеваемости в училищах. Представители других ведомств чаще всего не обращали внимания на методики преподавания, поэтому в отчетах Министерства государственных имуществ и Духовного ведомства сообщались общие итоги успеваемости учащихся и подробное описание хозяйственной части школ.

Несомненно, подчинение сразу нескольким различным ведомствам мешало работе училищ: значительно увеличивалось количество проверок, а вместе с ними и делопроизводства для учителей, смотрителей и директоров. Сохранившиеся архивные данные показывают, что сельские училища подвергались обозрению сразу нескольких инстанций, причем в течение достаточно короткого временного промежутка. Например, Масельско-Паданское училище Повенецкого уезда Олонецкой губернии за вторую половину 1837 г. обозревали ревизор из Министерства государственных имуществ, благочинный священный Повенецкого прихода, смотритель уездных училищ, а вместе с ними волостное и уездное начальство. Все они не только проверяли работу учителя, но и проводили испытания учащихся. Циркуляр Министерства народного просвещения 1847 г. подтвердил правомочность директоров, уездных смотрителей, благочинных священников осматривать училища Министерства государственных имуществ¹⁹.

При обозрении училищ ведомственные чиновники обращали особое внимание на состояние учебной и хозяйственной части учебных заведений, на методику преподавания, а также на добросовестность и трудолюбие священников. «Учитель-священник к делу своему весьма способен и усерден <...> имеет достаточные педагогические способности <...> священник имеет все

¹⁹ Циркуляр Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. 54. С. 8.

Контроль за деятельностью сельских школ

достоинства умного и благонравного наставника»²⁰, «Учителя всемерно стараются внушить мальчикам страх Божий, повиновение к власти, имеют бдительный надзор за нравственностью их и наблюдение»²¹, — отмечалось в отчетах ревизоров. Были и другие характеристики педагогов: «Неудачный учитель <...> стар <...> нигде сам не учился, не знаком с методикой»²².

Иногда проверяющие, инспектировавшие училища, свои отчеты не только предоставляли высшему начальству, но и помещали в периодических изданиях. Нередко у них были весьма своеобразные взгляды на организацию учебного дела. Некоторые из них считали, что школы, учрежденные духовенством и Министерством государственных имуществ, стоят на низкой ступени как по своим средствам, так и по характеру своей деятельности и по влиянию на уровень умственного развития в народе [Барсов, 1863. С. 491]. П. Касаткин, штатный смотритель Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии, после обозрения сельских волостных училищ поместил свои заметки в журнале «Русский педагогический вестник». Он отметил недостатки состояния и содержания сельских училищ в подведомственном ему уезде. «Ученические столы красные, сомнительного цвета, и все смотрят инвалидами <...> знания неудовлетворительные, читают вяло, растянуто, безжизненно, наставник не вникает в положение ребенка <...> бесчеловечный метод учения <...> наставник — дочь священника, настоящий автомат, в своей жизни ничего поучительного не встречала и не слыхала» [Касаткин, 1861. С. 48]. Автор писал, что, несмотря на финансовую поддержку школ, помещения находились в жалком состоянии, уровень обучения детей грамоте был низким, в училищной библиотеке не было ни одной книги для детского чтения. Из 26 учащихся только шестеро могли прочитать текст, да и те совсем не понимали прочитанного. Сами наставники были малообразованные люди. Одна из них, кроме псалтыря, ничего не читала и дальше уездного города нигде не была [Там же. С. 47]. «Где же взять хороших преподавателей в сельские училища на такое скудное жалование, и притом без всяких видов в будущем», — сетовал один из проверяющих [Там же. С. 327]. А при обозрении училищ в Псковской губернии И. Шарловский отметил, что «сельские школы находятся в самом плачевном состоянии» [Шарловский, 1864. С. 158].

Оценка сельских школ современниками

Интересно обратиться к мемуарным источникам, которые позволяют взглянуть на казенные училища «изнутри». Бывшие выпускники таких школ в своих воспоминаниях высказывали суждения о практиковавшихся там способах преподавания, о пользе учения, о преподавателях. Многие отмечали, что метод обучения в то время был «слишком схоластичен и мало приспособлен <...>

²⁰ НА РК. Ф.17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 84.

²¹ РГИА. Ф. 383. Оп. 6. Д. 5105. Л. 3об.

²² НА РК. Ф.17. Оп. 5. Д. 8/17. Л. 84.

к развитию ребенка и [к тому, чтобы] вызывать к самостоятельности его душевные силы» [Братцев, 1879. С. 295]. Почти все мемуаристы указывают на слабую подготовку учащихся: «Знали только кое-как читать да писать, и больше ничего» [Там же. С. 302]. Любопытны упоминания бывших учеников казенных школ о своих педагогах. Некоторые из них с большим уважением вспоминают тех учителей, которые добросовестно относились к своему делу. Такие преподаватели давали крестьянским детям прочные знания, и тогда «грамотность быстро распространялась в селе. Почти каждое семейство имело в среде своей <...> учащегося»²³. Но чаще всего учителя-священники остались в памяти бывших учеников как чрезмерно строгие и малограмотные педагоги. Они вспоминали: «Но какой Федосеевич был учитель, когда он и сам куда-небойко разбирал церковные книжки. Если же Федосеевичу приходилось прочесть <...> книги из гражданской печати, то тут он постоянно запинаясь и путаясь» [Там же. С. 298].

Так или иначе, школы Министерства государственных имуществ работали, и с каждым годом их число увеличивалось. Если в начале реформы, в 1842 г., на территории Российской империи в 226 училищах обучались 11 386 учеников, то уже в 1843 г. численность школ возросла до 1486, и в них обучались 38 485 учащихся. А в 1856 г. на обучение в 2566 школ казенного ведомства поступили 112 460 детей [Дружинин, 1946. С. 250]. Это был большой шаг вперед, и он сулил большие перспективы в просвещении народа. И тем не менее в целом по России учебных заведений было мало, и учащиеся составляли незначительную часть населения. Например, в Вологодской губернии в селениях государственных крестьян одна школа приходилась на одну-две волости, на 180–200 сел и деревень, а один ученик — на 176 жителей (один учащийся на 100 мужчин и одна ученица на 577 женщин)²⁴.

Историки народного просвещения по-разному оценивали результаты деятельности училищ. По мнению А. С. Воронова, государственным издержкам на организацию школ в казенных селениях вполне соответствовали и результаты учения. Ученики, окончившие курс учения в 1844 г., принимались в палаты и окружные правления для практического приготовления в писарские должности, землемеры, топографы, ветеринарные врачи и фельдшеры [Воронов, 1849. С. 233]. Таким образом, волостные школы заложили основы профессионального образования в России.

Исследователь влияния реформы П. Д. Кисилева на положение государственных крестьян Н. М. Дружинин не согласен с А. С. Вороновым в оценке деятельности Министерства государственных имуществ по организации сельских школ. По его мнению, ничтожные ассигнования на школьное дело не могли обеспечить не только всеобщего охвата обучением государственной деревни, но и необходимых условий для организации начального

²³ Л. Два учителя одной сельской школы // Воспитание. 1861. № 1. С. 48.

²⁴ Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г. Вологда, 1862. С. 66.

обучения в волостном масштабе. Школьные помещения были тесными и грязными, учебных пособий не хватало, школы отстояли порой на десятки верст от местожительства учащихся, остро стояла и кадровая проблема [Дружинин, 1946. С. 250].

Таким образом, в организации учебного процесса, состоянии хозяйственной части училищ были определенные успехи и многочисленные проблемы. «Школа открыла дорогу нам, но община, на средства которой отчасти она содержалась, — что она выиграла от этой начальной школы? Сделала ли она грамотными всех в общине, подняла ли уровень образования жителей села <...> и сделала ли она оную такую же потребностью жизни, как соседний кабак? Где же и в чем причина?» — писал один из бывших учеников такого сельского училища [Лемехов, 1873. С. 714], который так и не нашел ответов на эти вопросы.

Литература

1. Архангельские губернские ведомости. 1845. № 13.
2. Барсов Н. П. О народных школах средней России // Отечественные записки. 1863. № 11–12. С. 487–509.
3. Братцев В. Жертвы неразумного воспитания // Странник. 1879. Т. 3. № 2. С. 288–320.
4. Воронов А. С. Историко-статистическое обозрение учебных заведений Санкт-Петербургского учебного округа 1715–1828 гг. СПб., 1849.
5. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. Т. 2.
6. Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII — I половина XIX в.). Пермь, 1992.
7. Касаткин П. О сельских училищах Усть-Сысольского округа ведомства Министерства государственных имуществ // Русский педагогический вестник. 1860. № 7. С. 326–331.
8. Касаткин П. О сельских училищах Грязовецкого уезда ведомства Министерства государственных имуществ // Русский педагогический вестник. 1861. № 8. С. 44–51.
9. Константинов Н. А., Струминский В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М.: МНП РСФСР, 1953.
10. Л. Два учителя одной школы // Воспитание. 1861. № 1. С. 47–54.
11. Лемехов П. Из школьных воспоминаний // Школьная жизнь. 1873. № 32. С. 709–714.
12. Мегорский П. О народных учителях и школах в Палтожском приходе // Олонецкие губернские ведомости. 1875. № 16.
13. Национальный архив Республики Карелия:
Ф. 17: Директор народных училищ. Оп. 5. Д. 8/17;
Ф. 33: Олонецкая губернская палата государственных имуществ.
Оп. 2. Д. 3/38.
14. Одоевский В. Ф. Памятка деревенского мальчика. СПб.: Тип. И. Горчакова, 1862.

15. Одоевский В. Ф. Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейко. СПб.: Тип. А. Смирдина, 1855.
16. Одоевский В. Ф. Сельское чтение. В 4 т. СПб.: Тип. Министерства государственных имуществ, 1843–1852.
17. Одоевский В. Ф., Заблоцкий-Десятовский А. П. Рассказы о Боге, человеке и природе. Чтение дома и в школе. СПб.: Тип. Крайя, 1849.
18. Памятная книжка для Вологодской губернии на 1861 г. Вологда, 1862.
19. Попов В. Описание Кокшеньги (Тотемского уезда) // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 24.
20. Сеницына П. Т. Развитие народного образования на Европейском Севере (досоветский период). Архангельск, 1996.
21. Смирнов А. В. К истории зарождения сельских школ и сельскохозяйственных учебных заведений на севере России / Вопросы аграрной истории. Материалы науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства Европейского Севера. Вологда. 1968. С. 263–277.
22. Раев А. О мерах к распространению образования между государственными и удельными поселянами // Журнал Министерства государственных имуществ. 1860. № 9. Ч. 75. С. 46–47.
23. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. СПб., 1902.
24. Российский государственный исторический архив:
25. Ф. 383: Министерство земледелия. Первый департамент. Оп. 1, д. 3. Ч. 1; Оп. 6. Д. 1294; Д. 5105; Д. 5094; Д. 5124; Д. 7735; Ф. 733: Департамент народного просвещения. Оп. 95. Д. 137.
26. Успехи мер к распространению образования между государственными крестьянами // Архангельские губернские ведомости. 1846. № 13.
27. Циркуляр Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1847. Ч. 54.
28. Шарловский И. Народное образование по местным исследованиям // Отечественные записки. 1864. № 5. С. 144–185.

В разделе «Рецензии и обзоры» мы обычно публикуем материалы, так или иначе связанные с книгами. На этот раз мы решили изменить нашей традиции: впервые предметом анализа стал фильм — это «Социальная сеть» известного режиссера Дэвида Финчера, а также книга, связанная с проблемой новых медиа, с сетевой культурой. Какое отношение эта продукция имеет к тому, что принято обсуждать в нашем журнале, — к образовательной политике, исследованиям в сфере образования? На наш взгляд, самое непосредственное. Фактически мы можем говорить о целой экосистеме самых разных СМИ, с помощью которых люди могут передавать друг другу информацию о происходящих событиях, загружать в Интернет фото- и видеоматериалы. Стремительно растущая новая информационная среда создает новые вызовы и провоцирует новый разрыв поколений. Данная тема, на наш взгляд, остроактуальна, поскольку социальные сети, новые медиа — это та новая культура, которая воздействует сегодня на ключевые политические и социальные события. По странам Северной Африки и Ближнего Востока прокатилась волна социальных протестов. Наблюдатели утверждают, что не последнюю роль в этих процессах сыграли социальные медиа. Как они превратились в столь действенный инструмент? Один из возможных ответов предлагает фильм, обсуждаемый в публикуемом ниже материале.

В основе сценария фильма — история, рассказанная в книге Бена Мезрича «Миллиардеры поневоле: альтернативная история создания Facebook» (2009). Дэвид Финчер — один из культовых режиссеров. Четыре его картины находятся в Top-250 лучших фильмов, а визитной карточкой стал знаменитый «Бойцовский клуб» по роману Чака Паланика. Напомним, что на экраны российских кинотеатров «Социальная сеть» вышла в конце октября прошлого года, почти три недели спустя после американской премьеры. Для нас важно, что фильм начинается как университетская история и события разворачиваются в интерьерах гарвардского кампуса, потому что завязка интриги — отношения между студентами Гарварда, среди которых был и Марк Цукерберг, создатель Facebook, двадцатишестилетний «случайный миллиардер», автор «идеи, перевернувшей мир». Для Мезрича парадокс Цукерберга состоит в следующем: «Марк стал самым молодым миллиардером на планете, но при этом всегда был равнодушен к материальным проявлениям успеха: никаких «феррари», личных самолетов или домов с 15 спальнями у него нет». Он считает, что в фильме «его сделали несколько большим козлом, чем он показан в книге»¹.

Фильм вызвал и в России, и в США бурную полемику. Критики писали, что фильм высветил давно накопившиеся вопросы о том, как сетевая интерактивность меняет восприятие

¹ Антоновский Д. Интервью с Б. Мезричем. www.afisha.ru. 28 октября 2010 г.

современниками самих себя. Он показал, что на Facebook выросло поколение подростков, для которых опыт общения не связан с традиционными ограничениями этического свойства². В результате этих дискуссий фигура Цукерберга была мифологизирована настолько, что журнал *Time* назвал его «человеком года»³.

Для нашего журнала мы выбрали наиболее информативную аналитическую статью английской писательницы Зэди Смит⁴, опубликованную в *The New York Review of Books*.

*Е. Н. Пенская, заместитель главного редактора журнала
«Вопросы образования»*

² 2010: The year in review <http://www.bfi.org.uk/sightandsound/polls/films-of-2010-intro.php>

³ Марк Цукерберг признан «человеком года» по версии журнала *Time*. www.Forbes.com. 15 декабря 2010 г.

⁴ Книги Зэди Смит на русском: «Белые зубы» (2005), «Собиранье автографов» (2006), «О красоте» (2010). Все книги вышли в московском Издательстве Ольги Морозовой.